

УДК 327+321.01

Ю. А. Веселов

**МИРОВОЙ ПОРЯДОК, ИМПЕРИАЛИЗМ
И ТЕОРИЯ ЧЕТВЕРТОГО МИРА. ЧАСТЬ ВТОРАЯ**

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

Поступила в редакцию 31.07.2025 г.

Принята к публикации 10.10.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-8

103

Для цитирования: Веселов Ю. А. Мировой порядок, империализм и теория Четвертого мира. Часть вторая // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. № 2. С. 103 – 116. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-8.

В статье исследуются трансформации современного миропорядка через призму теории Четвертого мира и концепции космополитического порядка. Автор анализирует изменения теоретического содержания понятия «четвертый мир» по мере развития постколониальной критики. Если на раннем этапе оно использовалось преимущественно в контексте обсуждения прав коренных народов, то в современной интерпретации оно становится инструментом для изучения структурного неравенства всех этнических сообществ, подвергающихся системной дискриминации. Подробно рассмотрен феномен «государственного строительства», который зачастую оборачивается разрушением аутентичных культурных сообществ и провоцирует сепаратистские движения вдоль исторических границ расселения народов. Особое внимание уделено критическому разбору либерального «порядка, основанного на правилах». Автор трактует его как американскую космополитическую идеологию, направленную на подрыв традиционного вестфальского суверенитета и закрепление глобальной гегемонии США. Приведены количественные данные демографических прогнозов, иллюстрирующие старение населения и масштабные миграционные потоки в Европе. По мнению автора, эти процессы размывают национальную идентичность и ведут к неизбежному кризису классической концепции государства-нации. В заключение прогнозируется контур будущей международной реальности. Вместо привычных национальных государств ожидается появление многослойного и фрагментированного политического пространства, состоящего из религиозных общин, этнических теократий, монархических династий и неформальных союзов. Эта мозаичная структура сравнивается с политической картой доколумбовой Америки, где многообразие режимов существовало в условиях плодотворного анархического беспорядка.

Ключевые слова: четвертый мир, национальный суверенитет, порядок, основанный на правилах, сепаратизм, кризис национального государства

Империализм и теория Четвертого мира

Термин «четвертый мир» впервые появился в 1970-х гг. в работах канадского социолога Дж. Мануэля, который стремился к политическому единству коренных народов Северной, Центральной и Южной Америки, а также Европы и Азии. Он назвал эту совокупность коренных обществ, существовавших в угнетенном состоянии вследствие европейской экспансии, «Четвертым миром» [15, p. 11].

Изначально теория Четвертого мира относилась к безгосударственным, бедным и маргинальным группам, коренному населению разных стран мира [Ibid., p. 12]. Однако постепенно концепция начала охватывать страны и регионы, которые не соответствовали изначальным критериям «развивающихся стран» (третьего мира). Под термином «коренные народы» стали пониматься не только небольшие сохранившиеся группы аборигенов, а «отдельные культурные и политические сообщества, которые были колонизированы, например, европейскими королевствами, китайскими имперскими династиями и арабскими халифами с XIII по XX в. и в конечном итоге объявлены меньшинствами в недавно провозглашенных политических юрисдикциях, состоящих из поселенцев или контролируемых правящей нацией» [18, p. 51].

Теория Четвертого мира разрабатывалась учеными преимущественно из угнетенных этнических групп и народов. Согласно данному подходу ключевой проблемой международных отношений является этноцид (и экоцид) примерно 200 государств в отношении более чем 5 тыс. этнических групп, народов [Ibid., p. 82]. По мнению сторонников теории, сеть национальных государств представляет собой своего рода комбинацию империй, которые оккупировали и «взяли в заложники» большинство народов, снижая уровень биологического и культурного разнообразия мира.

Согласно теории Четвертого мира существует два типа современных государств:

- 1) бывшие метрополии и любые другие центры и полюсы мира;
- 2) бывшие колонии, которые отделились в ходе деколонизации, но продолжают оставаться в системе угнетения, но не только как объект, но и как субъект.

В рамках государственных границ вся система угнетения навязывается другим этническим группам. Согласно теории, основная цель (много) национального государства — создание иллюзии, будто каждый этнос является его неотъемлемой частью. Наиболее распространенными методами национальных государств по поддержке такой системы являются запугивание и сотрудничество (подготовка государственной системой образования ученых, журналистов, государственных служащих, которым предписывается «правильно» мыслить и писать о централизованном государстве).

Основополагающим постулатом теории является теоретическое обобщение понятий «государство» и «нация», где «государство — это репрессивный институт немногочисленных наций-империалистов», а противостоят им народы с особой культурой, развившейся с течением времени как продукт «взаимодействия людей (животных, растений) с землей и космосом» [18, p. 54].

По мнению теоретиков Четвертого мира, большинство наций существовало до появления государств [16, р. 232]. Войны стали и остаются средством, с помощью которого государства присваивают (имеется в виду «государственное строительство») территории, а также культурные и технологические достижения народов.

Как утверждают авторы теории Четвертого мира, в то время как этносы предшествуют государствам, государства пытаются стереть историю и географию этнических групп с помощью программ, обычно называемых «государственным строительством» [11, р. 383], — программ, которые «основаны на политической, культурной и территориальной интеграции, развитии и образовании» с использованием общих символов (флаги, национальные гимны, история, школьная география и, конечно, языковые программы) [16, р. 229]. Однако, по мнению сторонников теории, когда государства говорят о государственном строительстве, они в большинстве случаев осуществляют его путем «разрушения народов».

Такая логика, безусловно, не может не касаться аспектов распада национального государства, открытого противника сторонников рассматриваемой теории. Дезинтеграция неизбежно происходит при условии, что угнетенные этнические группы приобретают большую автономию, а их сепаратистский дух получает новые импульсы [12, р. 260]. Распад государства чаще всего происходит вдоль границ исторических народов. Авторы теории Четвертого мира утверждают, что эти старые границы народов можно считать культурными разломами [Ibid.]. Более того, вопреки процессам деколонизации система угнетения не разрушается. Но не только потому, что существует феномен неокOLONИализма и скрытый контроль нациями «Центра» наций «Периферии», но и потому, как утверждают теоретики, что сами государства «Периферии» используют свой репрессивный аппарат по отношению к населяющим их народам. Волна деколонизации после Второй мировой войны создала границы государств третьего мира в основном на искусственных очертаниях побежденных колониальных империй [16, р. 238]. А в «искусственных государствах третьего мира», таких как Филиппины, Папуа-Новая Гвинея, Индонезия и Бангладеш, экономическое развитие используется для вторжения в четвертый мир [21, р. 10].

Таким образом, современное использование теории Четвертого мира включает в себя продуктивные исследования феноменов нации, государства, права наций на самоопределение, проблем империализма, колониализма и неокOLONИализма. Это исследовательское поле достаточно опасно, так как в нем изучаются противоречия, возникающие в одной из самых неразрешимых дихотомий современных международных отношений — права каждой нации на самоопределение и гарантии территориальной целостности национального государства.

Возвращение к международному порядку? Становление мирового космополитического порядка

В постколониальной перспективе национализм вне европейского контекста может рассматриваться как «производный дискурс», связанный с логикой европейской модерности и колониального господства. Бенедикт Андерсон пишет:

Следовательно, национализм должен быть истолкован как неотъемлемая составная часть этого господства. И главным признаком его появления в позднеколониальном мире, как и дальнейшего существования, следует считать «отсутствие аутентичности», как бы местные лидеры вроде Неру, Сукарно или Нкрумы ни уверяли всех в единстве и автономии своих движений. За пределами Европы национализм неизбежно являлся «производным дискурсом», блокирующим путь всякому подлинно самостоятельному, автономному развитию в окружении сообществ, которые оставались в подчинении своекорыстных, предельно коллаборационистски настроенных «националистических» политиков, интеллектуалов, бюрократов и капиталистов [6, с. 19–20].

После окончания Первой мировой войны американцы начинают все активнее размышлять о том, как сформировать мировой порядок, который бы в максимальной степени соответствовал интересам Америки, и какие международные механизмы следовало бы создать для закрепления этого порядка и управления им [1, с. 100]. Американская политическая мысль, как производная от европейской мысли (преимущественно англосаксонской) и идея нации, связывающая воедино разнообразные этносы как «плавильный котел», — наиболее актуальная идея как раз для американской политики. Соответственно, тот порядок, что начал складываться после Первой мировой войны на «вильсоновских принципах» есть не что иное, как еще одна попытка национальной идеи распространить и закрепить себя в мировом масштабе. Правда, в отличие от мир-имперской идеи, она была уже в меньшей степени прямолинейна и пыталась действовать «по-англосаксонски», более скрытными методами, скрываясь за ширмой свободы, демократии, возможностей для каждой нации: «Мы предпочитаем открытый доступ и влияние владению. Наша империя неформальна, поскольку включает в свой состав не сателлитов и владения, а номинально равные государства» [10, р. 94].

Американцы достаточно верно оценили причины Первой мировой войны и стали строить мировой космополитический порядок в целях достижения геополитического успеха, господства «правильных» идей и создания возможностей для собственного экономического доминирования и процветания в мировом масштабе.

Как пишет В. М. Капицын, космополитизм и культурный релятивизм влияют на легитимацию государственной власти и суверенитета. В рамках этого влияния космополитизм создает делегитимизирующий и дегитирующий эффект для концепции национального государства. «Именно цивилизационную и национально-государственную идентификацию разрушает космополитизм, поскольку они поддерживают самобытность национальной культуры, легитимность власти и суверенитет» [5, с. 306–307]. В. М. Капицын прямо заявляет, что США и НАТО применяют в мировой политике космополитизм в качестве своей «мягкой силы» для ослабления культурного релятивизма [Там же, с. 311].

Далее В. М. Капицын выделяет значения космополитической идентификации:

- 1) номадическая — кочевничество в чистом виде, растворяющее этничность нации в некоем единстве, освобожденном от многообразия;
- 2) имперско-глобалистская — замещение национальных идентичностей ценностями влиятельного государства;

3) глобалистско-потребительская — идентификация возможностей трансграничных финансовых и прочих потоков;

4) глобально-демократическая — морально-гуманитарная идентификация, основанная на ценностях демократии, прав человека, лозунга «свободы». Последний вариант и является основным методом претендующей на глобальность американской внешней политики после Первой мировой войны. Этот метод наилучшим образом описывается понятием «моралистский транснационализм» С. Хантингтона. Согласно его концепции, патриотизм / национализм представляют собой силы зла, а международные законы, режимы и институты превосходят в моральном праве эквиваленты в отдельно взятых нациях [13, р. 6].

Именно так в 1919 г. появились корни американской внешнеполитической концепции «мирового порядка, основанного на правилах», то есть такой мировой структуры, которая опирается на писаное и неписаное международное право. Его интерпретация, в свою очередь, позволительна лишь самим Соединенным Штатам, но это право представляет собой обязательные для всех остальных правила игры. Об этом говорил В. В. Путин на пленарном заседании клуба «Валдай», отметив, что международное право подменяется так называемыми «правилами»: «Судя по всему, есть только попытка утвердить одно правило — чтобы власть предрешающие, я говорю о глобальной власти, имели возможность жить вообще без всяких правил и все им было бы позволено, все бы сходило с рук, что бы они ни делали» [8].

Так появился мировой космополитический порядок (или «порядок, основанный на правилах»), который представляет собой американскую внешнеполитическую концепцию для легитимации своей национальной гегемонии над всем остальным миром. «Порядок, основанный на правилах» является проектом США, нацеленным на превращение их окружения в страны постмодерна, пока сами они остаются классической великой державой с суверенитетом вестфальского типа.

Рассматривая мировое устройство, нельзя обойти особое деление государств — премодерна, модерна и постмодерна (или довестфальские, вестфальские и поствестфальские государства) [9, с. 161]. Следуя логике данной структуры, государства премодерна — исторические слабые, возможно, даже несостоятельные образования, которые исторически попадали под влияние мировых держав, а значит, не имели фактического суверенитета, даже если он провозглашался. Так называемые государства постмодерна (логика действий которых уже выходит за рамки классической логики вестфальской системы — эгоистического стремления к сохранению собственного суверенитета и проведения независимой внутренней и внешней политики) делегируют свой суверенитет на наднациональный уровень, но даже в наиболее удавшемся на данный момент образовании — ЕС — та же пандемия коронавируса (не говоря уже о реакции на миграционный кризис) показала оставшиеся черты национального эгоизма вопреки всем декларациям. Государства модерна, такие как США, никак нельзя назвать странами, когда-то добровольно отошедшими от идей суверенитета [3, с. 243].

Конструируя (либеральный) «порядок, основанный на правилах», США стремились стать уникальной американской Империей — «наднациональной силой, опирающейся на право» [7, с. 186]. США в итоге не были однозначно названы (мировой) империей в полном смысле это-

го слова, однако порядок, который основан американцами и поддерживается ими изо всех идеологических, политических, военных и экономических сил, можно назвать имперским. В данном случае стоит затронуть вечно злободневный вопрос — почему порядок основан американцами, а роль СССР в этом процессе не упоминается? Причина заключается не только в дискурсивных издержках сверхдержавного соперничества. Идеологические постулаты такого космополитического «порядка, основанного на правилах» были выработаны при американских президентах В. Вильсоне и Ф. Д. Рузвельте; принципы ООН также являются «американским продуктом», так же как и Атлантическая хартия, из которой вышло большинство из них; Бреттон-Вудские институты созданы американцами и функционируют, преимущественно, на американские дотации. В рамках строительства такого порядка СССР воспринимался скорее не его структурным элементом, а назойливой «внешней» (внесистемной) угрозой. Советский Союз сам позиционировал себя как антагонист капиталистического мира, а вовсе не как его составная часть.

Б. Андерсон писал: «Поскольку, даже присоединившись со временем к Лиге, юный одиночка Советский Союз не рассматривал себя как национальное государство, да и многочисленные враги его в целом таким не считали. <...> Несмотря на то что Советский Союз стал членом Организации Объединенных Наций, в которую теперь вступили и Соединенные Штаты, в мировой политике периода холодной войны общепринятыми оставались понятия наднационального толка» [6, с. 12]. Когда руководители партии большевиков осознали невозможность мгновенной мировой революции после провальной Советско-польской войны, а также безуспешных попыток большевизировать / советизировать европейские развитые страны, а затем уже аграрные (то есть не вошедшие на этап капитализма) страны (как, например Афганистан, Китай, Персия и Индия), с их стороны была предпринята колоссальная уступка — построение образа не мирового коммуниста, а советского гражданина, то есть советской нации (народа). И этот проект также потерпел неудачу. Действительно, с внесистемной для порядка угрозой можно было договариваться. Примером этому являются двусторонние договоренности по контролю над вооружениями в годы Холодной войны: они заключались именно потому, что стороны осознавали общую экзистенциальную опасность, но при этом каждая оставалась носителем своей ценностно-институциональной системы. Однако сам по себе факт диалога, включая даже Хельсинкские соглашения, не свидетельствует о включенности СССР в «западный» послевоенный порядок, поскольку в восприятии стран «Запада» международная система после 1945 г. основывается на созданных им же либеральных институтах, правилах и нормах. Эта система легитимизована через ООН, Бреттон-Вудские институты и трансатлантическое союзы. СССР в этом контексте выступал не как полноправный ее субъект, а как «значимый Другой», внешний актер, который бросал вызов этому порядку, но с которым приходилось вступать в инструментальные сделки, конструируя минимальные правила игры. Именно по этой причине в рамках данной работы (хотя существуют иные позиции и аргументы) действующий (имеется в виду Ялтинско-Потсдамский) порядок отсчитывается именно от окончания Второй мировой войны, а не от событий распада (про)советского социалистического блока.

Что касается мирового космополитического «порядка, основанного на правилах», то его установление происходило постепенно, начиная с 1919 г., прошло через многие трудности (неэффективность Лиги Наций, изоляционизм США) и помехи (страны Оси, пытавшиеся возродить мировой интернациональный порядок), а также столкнулось с внесистемной угрозой (СССР), и тем не менее он все же был установлен на рубеже XX — XXI вв.

Возможно ли установление международного порядка?

Международный порядок никогда не существовал, кроме как только «на заре человечества», если понимать под ним ситуацию, полностью обратную мировому транснациональному порядку, то есть сосуществование многочисленных этнических групп друг с другом в отсутствие подчинения одной группы другой.

Национальное государство как феномен не удерживается и грозит своей ликвидацией в силу миграционных процессов, размывания идентичности, демографических проблем тех стран, где, собственно, родилась и существовала все это время данная концепция, а также тех стран, которые утверждали эти идеи как общемировые.

Эти выводы подтверждаются количественными оценками. По прогнозам независимого исследовательского информационного центра *Pew Research*, к 2050 г. будет достигнут паритет между мусульманами (2,8 млрд, или 30 % населения) и христианами (2,9 млрд, или 31 %), возможно, впервые в истории [20]. Согласно прогнозу, в ближайшие десятилетия будут наблюдаться яркие географические различия в моделях религиозного роста. Религии с большим количеством приверженцев в развивающихся странах, где уровень рождаемости высок, а уровень детской смертности в целом снижается, вероятно, будут расти быстро. Например, ожидается, что большая часть мирового роста ислама будет происходить в странах Африки к югу от Сахары. Сегодняшнее религиозно неаффилированное население, напротив, в значительной степени сконцентрировано в местах с низкой рождаемостью и стареющим населением, таких как Европа, Северная Америка, Китай и Япония, то есть, собственно, в тех самых районах, где зародилась концепция национального государства. Более того, ожидается, что в ближайшие десятилетия христиане понесут самые большие чистые потери от перехода. По прогнозам, в мире около 40 млн чел. перейдут в христианство, а 106 млн покинут его, причем большинство пополнит ряды нерелигиозных людей [Ibid.]. Прогнозирование более точного соотношения демографических групп в таких местах, как Европа, затруднено ввиду непредсказуемых, но постоянно растущих темпов миграции.

В докладе консалтинговой компании *Geopolitical Futures* сделан другой прогноз: к 2050 г. под воздействием национализма и сепаратизма карта Европы сильно изменится — во многих европейских странах существуют открытые сепаратистские движения, которые могут вспыхнуть в любой момент, как только будет устранен зонтик ЕС (рис.). Тогда неизбежно возобновится старая этническая и религиозная вражда между отдельными европейскими государствами [14]. А ситуация, сложившаяся в результате распада Югославии, показательна для распада многоэтнического национального государства, хотя в этом случае процесс в итоге

был скорректирован «принуждением к миру» со стороны мирового сообщества, чего может не произойти в случае крушения концепции национального государства как таковой.

Рис. Сепаратизм в Европе [14]

Однако возможно взглянуть на эти процессы и с другой стороны — приведенный прогноз иллюстрирует опасения по поводу той ситуации, когда демографическая ситуация останется неизменной. Это, впрочем, невозможно в силу катастрофически низкой рождаемости и предсказуемого старения населения. Так, Европейская комиссия предполагает, что:

1) численность населения ЕС увеличится с 446,7 млн чел. в 2022 г. до пика в 453,3 млн в 2026 г., а затем постепенно сократится до 447,9 млн в 2050 г. и до 419,5 млн в 2100 г.;

2) средний возраст населения ЕС увеличится на 5,8 лет в период с 2022 по 2100 г.;

3) к 2100 г. численность населения в возрасте 80 лет и старше в ЕС возрастет до 64,0 млн [17].

Европейские демографические исследования в большей степени посвящены вопросам численности населения, естественной убыли, рождаемости, прогнозируют темпы миграции, однако ни одно из них не посвящено этнической ситуации, сложившейся в результате этих процессов. Так в таблице «Демографический баланс на 1 января 2022—2100 г.» (табл.) прогнозируется демографическая ситуация в странах Евросоюза к 2100 г. с учетом примерной рождаемости, смертности и иммиграции. Практически для всех стран характерна убыль населения, вследствие того что средняя смертность превышает среднюю рождаемость примерно на 3—4 млн чел. Это означает, что, например, в таких странах, как Германия, Франция, Италия, Испания, мигранты будут составлять 25, 10, 36, 36 % соответственно (учитывая только ежегодную иммиграцию без учета существовавших на 2022 г. этнических групп в этих странах и без учета рождения второго и третьего поколений детей в семьях представителей каждой волны иммиграции). Это означает, что в реальности этническое разнообразие в общем отношении к автохтонным народам (первоначальным нациям) может иметь значения, достигающие до $\frac{2}{4}$ или даже $\frac{3}{4}$ населения.

Демографический баланс на 1 января 2022 – 2100 г., тыс. чел. [17]

Территория	Население	Суммарная рождаемость	Суммарная смертность	Суммарное естественное изменение населения	Суммарная чистая миграция	Общее изменение населения	Прогнозируемая численность населения
							1 января 2100
ЕС	451 770,12	253 039,27	409 756,98	-156 717,71	103 736,35	-52 981,35	398 788,81
Бельгия	11 883,50	8 248,21	10 329,66	-2 081,45	2 499,64	418,19	12 301,65
Болгария	6 437,36	3 446,59	6 122,47	-2 675,88	876,23	-1 799,65	4 637,77
Чехия	10 909,50	6 470,77	9 728,59	-3 257,82	1 999,29	-1 258,53	9 650,97
Дания	5 992,73	4 129,72	5 372,52	-1 242,80	1 282,45	39,65	6 032,37
Германия	83 577,14	48 030,18	74 295,36	-26 265,18	17 425,13	-8 840,05	74 737,06
Эстония	1 370,00	694,01	1 247,06	-553,05	291,29	-261,75	1 108,25
Ирландия	5 440,28	4 051,94	5 137,33	-1 085,39	1 879,11	793,71	6 233,96
Греция	10 372,34	4 334,33	9 360,40	-5 026,08	1 901,93	-3 124,15	7 248,16
Испания	49 128,30	26 419,70	47 284,78	-20 865,08	21 490,70	625,62	49 753,93
Франция	68 882,60	47 938,00	59 233,75	-11 295,75	9 570,20	-1 725,55	67 157,01
Хорватия	3 874,35	1 855,40	3 585,33	-1 729,92	684,76	-1 045,16	2 829,21
Италия	58 943,46	25 000,81	55 421,53	-30 420,72	16 252,18	-14 168,54	44 774,85
Кипр	982,97	581,79	994,50	-412,71	473,15	60,45	1 043,34
Латвия	1 860,57	773,52	1 709,96	-936,45	305,03	-631,41	1 229,16
Литва	2 890,66	1 023,72	2 826,45	-1 802,73	838,48	-964,25	1 926,43

Территория	Население 1 января 2025	Суммарная рождаемость	Суммарная смертность	Суммарное естественное изменение населения	Суммарная чистая миграция	Общее изменение населения	Прогнозируемая численность населения 1 января 2100
Люксембург	681,97	555,83	650,89	-95,07	343,50	248,43	930,41
Венгрия	9539,50	5059,70	8772,20	-3712,49	1565,53	-2146,96	7392,55
Мальта	574,25	333,52	576,31	-242,79	392,16	149,36	723,71
Нидерланды	18044,03	12669,54	16067,59	-3398,04	4180,35	782,31	18826,35
Австрия	9197,21	5455,95	8329,06	-2873,11	2523,81	-349,31	8847,87
Польша	37489,12	15609,52	33130,19	-17520,67	5687,18	-11833,49	25655,67
Португалия	10749,64	5569,89	10957,86	-5387,97	3318,71	-2069,26	8680,38
Румыния	19043,15	10096,82	17495,04	-7398,22	2762,67	-4635,56	14407,57
Словения	2130,85	1209,01	1946,30	-737,29	511,50	-225,80	1905,08
Словакия	5550,98	2872,25	4866,67	-1994,42	514,39	-1480,03	4070,99
Финляндия	5635,97	3068,66	5109,97	-2041,32	1440,84	-600,48	5035,58
Швеция	10587,71	7539,93	9205,24	-1665,31	2726,16	1060,85	11648,56
Исландия	389,44	323,18	340,54	-17,36	122,96	105,61	494,92
Норвегия	5594,34	3917,21	4968,90	-1051,70	1711,88	660,18	6254,52
Швейцария	9051,03	6227,75	8205,60	-1977,85	3510,36	1532,51	10583,45

В этих условиях может возникнуть не только необходимость пересмотра смысловой наполненности существования европейских национальных государств (при условии, что Евросоюз так и не перейдет на следующие ступени интеграции), но и вызов концепции национальных государств как таковой, поскольку демографическая ситуация в Европе действительно достаточно регрессивна, но тем не менее репрезентативна для миграционных процессов и в других частях мира. И если применять данные прогнозы в отношении сепаратистских движений, то заявить об их количественном и качественном увеличении — ничего не сказать.

Исходя из прогнозов, что в Великобритании за 25 лет население увеличится с 67 млн до 77 млн чел., при том что уже на 2022 г. в стране до 23,2 % относилось к мигрантам, а Соединенное королевство будет к 2050 г. занимать третье место в мире по привлекательности для иммигрантов [4], можно предположить, что тогда доля мигрантов будет составлять не менее 25 % населения (опять же, имея в виду только ежегодную иммиграцию без учета существовавших на 2022 г. этнических групп в этих странах и без учета рождения следующих поколений детей в семьях иммигрантов). В рамках продолжительного пребывания в государстве другой культуры, языка, религии, нравов иммигранты и их потомки при отсутствии должной программы ассимиляции и/или их сопротивлении таким программам могут образовать сообщества, отличные как от страны происхождения, так и от страны пребывания, и претендовать впоследствии на собственное уникальное политическое образование. Это означает, что, к примеру, индийские диаспоры могут не считать себя связанными с как Индией или Великобританией, так и с индийской диаспорой во Франции. Такая сложная структура может породить совершенно неожиданные результаты, сепаратистские движения и формы международных конфликтов, в которых, условно говоря, французские баски не будут испытывать «чувств родства» ни с Францией, ни с Испанией, ни с испанскими басками. Таким образом, крах концепции национального государства, а также демографические и идеологические изменения в обществах могут повлечь за собой образование многосложного и многослойного мира, взаимодействие разных частей которого действительно уместно будет назвать «международными отношениями».

Заключение

Государство — древний институт человечества, так что оно обязательно должно отмереть вместе с национализмом. Существуют и другие архетипы легитимации власти и мобилизации общества [2]. В новой международной реальности вполне может не быть национальных государств, их место займут религиозные общины, суровые и обладающие военными ресурсами династические администрации, конгломерат сообществ, отличающихся друг от друга и находящихся в постоянном соперничестве. Ввиду распада национальных государств и успеха сепаратистов количество конфликтов не уменьшится, а возрастет. Тем не менее велика вероятность появления новых видов политических форм и режимов, многообразия политического в силу отсутствия мирового диктата объединенных наций как единственно легитимной формы отношений.

В большей степени такая многослойность международных отношений может означать, что одновременно будут существовать не просто разные народы, отличающиеся друг от друга в совершенно разных вариациях, но и разные политические режимы — могут сохраниться в форме централизованных национальных государств, силой препятствующих своему распаду, этнические теократии, социалистические образования, монархические династии и, возможно, другие. В большей степени такая карта мира может походить на политическую, культурную, этническую карту доколумбовой Америки, состоявшей из теократических империй (ацтеков, инков), многоязычных конфедераций (ленка), выборной монархии (никоя), городов-государств (тласкала), сообществ (хохокам), демократий (ирокезы), государств-обществ с кастовой системой (калу-са), олигархических структур (муиски), аристократий (майя), тогда как некоторые индейские общины могли даже иметь черты первобытного коммунизма.

Б. Андерсон справедливо указал, что в рассыпании цепи «миропорядков, учрежденных политическими Годзиллами (он имел в виду как раз то, что в этой статье названо мировой национальной державой. — Ю. В.), следует видеть намечающийся поворот к более привлекательному, более плодотворному, анархическому беспорядку, в котором возвышенные надежды XIX века на всеобщий суверенитет увенчаются сложным сообществом, основанным на взаимовлиянии подлинно постимперских национальностей» [6, с. 22].

Список литературы

1. Баталов Э. Я. Мировое развитие и мировой порядок. М., 2005.
2. Веселов Ю. А. Архетипы власти // Социум и власть. 2023. Т. 96, № 2. С. 38 — 47.
3. Веселов Ю. А. Империализм мировых порядков // *Via in tempore*. История. Политология. 2023. Т. 50, № 1. С. 233 — 248.
4. К 2050 году Великобритания станет самой густонаселенной страной Европы // Lenta.ru. 2009. URL: <https://lenta.ru/news/2009/03/12/biggest/> (дата обращения 12.12.2024).
5. Капицын В. М. Космополитизм в мировой политике и культуре // Тетради Международного университета в Москве. 2010. Т. 1, № 12. С. 300 — 314.
6. Андерсон Б. Введение // Нации и национализм / пер с англ. и нем. Л. Е. Перяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. М., 2002. С. 7 — 25.
7. *От миропорядка империй к имперскому миропорядку* / отв. ред. Ф. Г. Войтоволский, Э. Г. Соловьев. М., 2005.
8. Путин: предлагаемый «порядок, основанный на правилах», позволяет жить вообще без правил // ТАСС. 2022. URL: <https://tass.ru/politika/16174379> (дата обращения: 30.11.2024).
9. Харкевич М. В. Государство в современной мировой политике // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 6. С. 160 — 166.
10. Bacevich A. J. *New Rome, New Jerusalem* // *The imperial tense. Prospects and problems of American Empire*. Chicago, 2003. P. 93 — 101.
11. Connor W. *A nation is a nation, is a state, is an ethnic group is a...* // *Ethnic and Racial Studies*. 1978. Vol. 1, № 4. P. 377 — 400.
12. Griggs R. *Ethnicity vs Nationalism — the European nations* // *Research and Exploration*. 1994. Vol. 10, № 3. P. 259 — 265.

13. Huntington S. P. Dead souls: The denationalization of the American Elite // The National Interest. 2004. № 75. P. 5 – 18.
14. Landkarte im Jahr 2050: Auf dem europäischen Schachbrett bahnt sich eine Katastrophe an // Deutsche Wirtschafts Nachrichten. 2021. URL: <https://deutsche-wirtschafts-nachrichten.de/510387/landkarte-im-jahr-2050-auf-dem-europaeischen-schachbrett-bahnt-sich-eine-katastrophe-an> (дата обращения: 12.12.2024).
15. Manuel G. The Fourth World: An Indian reality. Minneapolis, 1974.
16. Nietschmann B. The Fourth World: nations versus states // Reordering the world: geopolitical perspectives on the twenty-first century. Boulder, 1994. P. 225 – 242.
17. Population projections in the EU // Eurostat. 2023. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Population_projections_in_the_EU (дата обращения 12.12.2024).
18. Ryser R., Gilio-Whitaker D., Bruce H. G. Fourth World Theory and methods of inquiry // Handbook of research on indigenous knowledge systems in developing countries / ed. by P. Ngulube. Hershey, 2017. P. 50 – 84.
19. Spicer M. A treaty too far: new policy for Europe. L., 1992.
20. The future of world religions: population growth projections, 2010 – 2050 // Pew Research Center. 2015. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2015/04/02/religious-projections-2010-2050/> (дата обращения: 12.12.2024).
21. Seton K. Fourth World nations in the era of globalisation. An introduction to contemporary theorizing posed by indigenous nations // Fourth World Journal. 1999. Vol. 4, № 1. P. 1 – 20. doi: 10.63428/6fzjbr16.

Об авторе

Юрий Александрович Веселов — преподаватель кафедры международных организаций и мировых политических процессов, факультет мировой политики, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

ORCID: 0000-0003-2043-2778

E-mail: veseloff30@gmail.com

Yu. A. Veselov

WORLD ORDER, IMPERIALISM AND THE 'THEORY OF THE FOURTH WORLD'. PART TWO

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received 31 July 2025

Accepted 10 October 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-8

To cite this article: Veselov Yu. A., 2026, World order, imperialism and the 'theory of the fourth world'. Part two, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, № 2. P. 103 – 116. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-8.

This article explores the transformations of the contemporary world order through the prism of the Fourth World theory and the concept of a cosmopolitan order. The author analyses the evolution of the term 'Fourth World' alongside the development

of postcolonial criticism. At the early stages, the term was employed primarily in the context of advocacy for indigenous rights, whereas contemporary interpretation views it as a tool to investigate structural inequality across all ethnic communities experiencing systemic discrimination. The study provides a detailed examination of the phenomenon of state-building, which frequently results in the destruction of authentic cultural communities and triggers separatist movements along the historical boundaries of ethnic settlement. Special attention is dedicated to a critical treatment of the liberal 'rules-based order'. The author interprets it as an American cosmopolitan ideology designed to undermine traditional Westphalian sovereignty and consolidate the global hegemony of the United States. Quantitative data from demographic projections are presented to illustrate population aging and large-scale migration flows in Europe. The author views these processes as eroding national identity and leading to an inevitable crisis of the classical concept of the nation-state. In conclusion, the article sketches the outlines of a future international reality. Instead of conventional nation-states, the emergence of a multi-layered and fragmented political space is anticipated, consisting of religious communities, ethnic theocracies, monarchical dynasties and informal alliances. The author compares this mosaic structure to the political map of pre-Columbian America, where a diverse array of regimes coexisted in a state of fruitful anarchic disorder.

Keywords: Fourth World, national sovereignty, rules-based order, separatism, crisis of the nation-state

The author

Yuri A. Veselov, Lecturer at the Department of International Organisations and World Political Processes, Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

ORCID: 0000-0003-2043-2778

E-mail: veseloff30@gmail.com